

УДК 94

DOI: 10.30914/2411-3522-2024-10-3-220-226

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РИТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В АНТИОХИИ ПРИ ИМПЕРАТОРАХ ЮЛИАНЕ II И ВАЛЕНТЕ II

М. Л. Радченко

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, г. Белгород, Российская Федерация

Аннотация. Оценка развития риторического образования, как и роль риторических школ, позволяющих развивать это направление на всех подконтрольных Римской империи территориях, – актуальное направление, развивающееся в зарубежной историографии, начиная с XIX века по настоящее время. Риторические школы на Востоке имели различного рода характерную популярность и свой набор поступающих студентов. Одной из сильных школ в плане обучения риторике являлась школа Либания в Антиохии. На популярность риторических школ, в частности антиохийской, оказывал влияние ряд факторов, одним из которых являлось расположение и поддержка ратора со стороны официальной власти. В статье отмечается зависимость роста популярности риторической школы и расположения, оказываемого императором Юлианом II главе школы Либанию. Рассматривается влияние религиозной политики императоров на развитие риторики в регионе в период Поздней Античности. В этом плане актуализируется переходный для риторической школы период при правлении императора Иовиана, и последующие годы воцарения Валента II. В частности, несмотря на разные мировоззрения императоров Юлиана и Валента, языческое и христианское, показана практически идентичная популярность риторической школы и в целом риторики. Наблюдается сокращение количества студентов из регионов, вызванное сменой императорской власти и сокращением влияния Либания при императорской канцелярии. Но при этом количество студентов, уроженцев Антиохии, оставалось прежним и не зависело от смены направленности религиозной политики Империи.

Ключевые слова: риторическое образование, риторика, Либаний, риторические школы, политика Юлиана II, император Валент II

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Радченко М. Л.* Некоторые аспекты развития риторического образования в Антиохии при императорах Юлиане II и Валенте II // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2024. Т. 10. № 3. С. 220–226. DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2024-10-3-220-226>

SOME ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF RHETORICAL EDUCATION IN ANTIOCH UNDER THE EMPERORS JULIAN II AND VALENTINE II

M. L. Radchenko

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russian Federation

Abstract. The assessment of the development of rhetorical education, as well as the role of rhetorical schools, allowing the development of this direction in all territories controlled by the Roman Empire, is a relevant direction developing in foreign historiography, starting from the 19th century to the present. Rhetorical schools in the East had various kinds of characteristic popularity and their own set of incoming students. One of the strong schools in terms of teaching rhetoric was the school of Libanius in Antioch. The popularity of rhetorical schools, in particular the Antiochian one, was influenced by a number of factors, one of which was the location and support of the rhetorician by the official authorities. The article notes the dependence of the growth of the popularity of the rhetorical school and the location shown by Emperor Julian II to the head of the school Libanius. An assessment is given of the influence of the change in the vector of religious policy in the empire during the period of Late Antiquity on the development of rhetoric in the region. In this regard, the transitional period for the rhetorical school during the reign of Emperor Jovian and the subsequent years of the accession of Valens II are actualized. In particular, despite the different worldviews of the emperors Julian and Valens, pagan and Christian, the popularity of the rhetorical school

and rhetoric in general is shown to be almost identical. There is a reduction in the number of students from the regions, caused by the change of imperial power and the reduction of Libanius' influence in the imperial chancellery. But at the same time, the number of students born in Antioch remained the same, and was independent of the change in the direction of the religious policy of the Empire.

Keywords: rhetorical education, rhetoric, Libanius, rhetorical schools, policy of Julian II, Emperor Valens II

The author declares no conflict of interest.

For citation: Radchenko M. L. Some aspects of the development of rhetorical education in Antioch under the emperors Julian II and Valentine II. *Vestnik of the Mari State University. Chapter "History. Law"*. 2024, vol. 10, no. 3, pp. 220–226. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2024-10-3-220-226>

Вопрос о развитии риторического образования в Позднеантичный период неразрывно связан с изучением риторических школ, осуществляющих собственно подготовку будущих риторов. Риторическое образование, как в целом высшее образование в Римской империи времен Поздней Античности, является частым предметом исследования у зарубежных историографов, из современных авторов не раз обращались к этой теме Рафаэлла Крибиоре, Лив ван Хуф, а также Эдвард Уоттс. Вопросы, поднимаемые учеными, строятся не только вокруг самой системы развития образования и деятельности школ риторики, но и вокруг самого термина «высшее образование». Допустимость и уместность применения данного определения, характерного для современного общества, едва ли может быть применено в полной мере для отображения действительности в период Римской империи [1, с. 23].

В исследованиях ученых XIX века наблюдаются вариации использования как термина «высшее образование», так и терминов «университет», «высшая школа» для обозначения процессов, свойственных античному периоду. Что касается отечественных исследователей, то, по мнению Т. Б. Перфиловой, отождествление ими терминов «высшее образование» и «университетское образование» объясняется, вероятнее всего, тем, что отечественные историки не видели существенного различия в форме организации высшей школы Античного мира и Нового времени¹.

Тем не менее более логичным будет применение не метода отождествления, а метода сравнения, который позволяет выявить сходства и раз-

личия в системе получения образования на разных этапах развития и на основании этого представить некую «промежуточную» модель интеллектуальных центров Римской империи. Данные центры можно обозначить как аналогичные, но не идентичные центрам высшего образования Нового времени. Следовательно, более логичным будет говорить об уникальной системе высшего образования, функционирующей в Римской империи. Однако употребление термина «высшее образование» в работах исследователей, в том числе и отечественных, в большей степени является нормой, хотя и отмечаются определенные особенности получения знания в античных школах и центрах.

Особое место в процессе получения высшего, иначе «классического» образования, занимает риторическое образование [2, р. 51]. Анализ источников античного периода показывает, что риторика занимала доминирующее положение среди дисциплин, формирующих программу общеобразовательной подготовки. В свою очередь, формируются и риторические школы, преподаватели которых должны были обладать высоким уровнем профессионализма, широким кругозором и готовностью выполнять гражданские обязанности. Большинство преподавателей школ совмещали свою прямую профессиональную деятельность со службой при императорском дворе или канцелярии², организуя в своих школах набор учеников и выстраивая систему обучения по типу наставничества, при которой ученики старших «курсов» могли обучать вновь принятых в школу кандидатов. Или заниматься вербовкой будущих студентов, прибегая не только к методам убеждения, но, в том числе, к методам принуждения

¹ Перфилова Т. Б. Высшее образование в Римской империи (культурологический аспект) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. С. 21.

² Там же. С. 37

(случай с похищением Либания и обучение его у Диофанта, пример одного из таких методов) [2, р. 26]. Несмотря на различный подход к обучению в риторической школе, основывающийся на личностных качествах учителя, объединяющим фактором для них выступала лояльность к императорской власти, уважение к закону и порядку. Критика же власти, императора воспринималась общественностью как проявление оппозиционных настроений и могла служить скорее как привилегия наиболее влиятельных раторов. Одним из таких раторов в период Поздней Античности можно назвать Либания.

Говоря о наиболее влиятельных раторах и риторических школах, нельзя не отметить такие центры развития риторики, как Афины, Берит, Газа, Константинополь, Антиохия и другие [3].

Несомненно, наиболее привлекательными в плане обучения являлись риторические школы в Афинах и Александрии, которые представляли крупнейшие интеллектуальные центры [4, с. 94]. Но нельзя отрицать, что и Антиохия, административная столица восточной метрополии Римской империи, важный политический, военный и религиозный центр [5, с. 628], играла также существенную роль в развитии риторического образования.

Ключевым интеллектуальным центром Антиохии была школа ратора Либания. Деятельность школы, а равно и самого ратора, привлекала внимание многих исследователей, прежде всего из США, Великобритании, Франции. Отечественные антиковеды, рассматривая школу Либания в контексте развития риторического образования в целом, отмечают особенности работы антиохийской школы и организацию преподавания риторики самим Либанием.

Примечательно, что по существу языческая школа Либания являлась местом «формирования» студентов, приверженцев, не только язычества, но и христианства. Так, наряду с известным историком Аммианом Марцеллином среди выпускников антиохийской школы был Иоанн Златоуст [6, с. 715]. Переплетение в одной школе и в одном регионе языческой и раннехристианской традиции можно рассматривать как одну из особенностей риторической школы Либания [7].

Равно как и в отношении обучения студентов Либанию необходимо было взаимодействовать со студентами-язычниками и студентами-христианами,

так и в отношении с представителями официальной власти для ратора необходимым являлось установление, если не дружественного отношения, то, как минимум, нейтрального. Безусловно, критика власти – как форма проявления особой привилегии являлась неотъемлемой составляющей деятельности Либания [8]. Однако исключительность в данном случае состояла в том, что от отношения ратора к императорской власти, проявления лояльности или враждебности, зависело развитие школы, следовательно, риторического образования в регионе.

Обращаясь к развитию риторики на Востоке и непосредственно к Антиохийской школе, целесообразно будет отметить два условных периода, идущих один за других и оказавших влияние на Либания, а через него в целом на риторическую школу.

Речь идет о периоде правления императоров Юлиана II Отступника (361–364) и Валента II (364–378).

Противник христианства и сторонник реставрации языческих культов, Юлиан II был, несомненно, находкой для Либания с его непреклонной верой в божественный пантеон и приверженностью традициям.

Император Валент II так же, как и его брат-соправитель Валентиниан I, являлся сторонником христианства. Таким образом, для Либания период правления императора-язычника сменился правлением императора-христианина. Вся деятельность ратора, как и его школы, должна была проходить с учетом этих перемен.

Зарубежные и отечественные исследователи не раз отмечали расположенность императора Юлиана к Либанию. Даже тогда, когда Юлиан посетил Антиохию, в преддверии начала войны на Востоке, император, прежде всего, обратился к Либанию, желая знать, где и когда он сможет услышать выступления ратора [9, с. 786]. В принципе, оживленная переписка завязалась между ними еще до того, как Юлиан был возведен в императоры [10, с. 86].

Да и сам Либаний с определенным восторгом относился к Юлиану, о чем свидетельствуют его письма к императору. В настоящее время известно, что из четырех писем, написанных Либанием Юлиану, до настоящего времени дошло всего пара.

Что же касается речей Либания, то наиболее грандиозным «свидетельством» почитания Юлиана

Отступника, безусловно, является «Надгробная речь», написанная ритором по случаю смерти императора (Ог. XVIII). Пораженный гибелью императора, ритор не только сожалеет о случившемся, но и туманно намекает, что за убийством могли стоять люди, которым не одобряли преобразования Юлиана в финансовой, административной и религиозной сферах [11, с. 80].

Что же касается Либания, то воцарение Юлиана должно было привести к увеличению количества студентов в Антиохийской школе [2, р. 89]. Для Либания это было время, когда по новому можно было взглянуть на риторику, направив ее развитие в новое русло. Политика императора немало этому способствовала. В речах Либания имеется отсылка к эпизоду, когда к Юлиану, прибывшему в Сирию, обратились губернаторы с «дарами риторики». Под дарами понимались не «кабаны, птицы и козлы, которые предлагались раньше» [2, р. 89], а собственные речи губернаторов. Таким образом, с поддержки Юлиана во главе городов были поставлены люди культурные, наделенные риторическими навыками (Ог. XVIII). На протяжении всей своей поездки по империи Юлиан был доступен для учителей, и следуя примеру императора, губернаторы также сделали учителей своими приближенными. Однако говоря о дальнейшем положении учителей, то после смерти императора, те же учителя, были «отвергнуты от дверей, как убийцы», а ученики избегали их речей (Ог. XVIII).

Что же касается небезызвестного эдикта Юлиана 362 года, который запрещал учителям-христианам заниматься преподаванием риторики, то довольно непросто понять, оказал ли данный указ существенное влияние на деятельность школы Либания и получил ли сам ритор от него какие-либо результаты. Вероятно, что в результате принятия эдикта, в школу Либания пришло несколько новых учеников [2, р. 90], но сам Либаний, несмотря на это предпочел ответить на столь суровый эдикт «тишиной». Под тишиной в данном случае Либаний понимал отсутствие открытой поддержки эдикта, выраженной в виде речи или декламации. Это может говорить о том, что сам ритор не полностью одобрял действия императора в этом вопросе, в частности его эдикт. Г. У. Вимер тут задается вопросом, почему же Либаний, восторженно приветствовавший Юлиана, открыто не поддерживает эдикт импера-

тора? Как один из возможных вариантов заключается в том, что Либаний не решался открыто одобрить эдикт, боясь потерять своих христианских учеников [12, s. 108–110].

Интересен тут и вопрос, как император относился к тому факту, что в риторической школе Либания наравне с язычниками обучались и христианские ученики. Отсутствие в переписке каких-либо признаков неудовольствия со стороны Юлиана по этому вопросу является следствием того, что император предоставлял полную свободу определения риторической школе и деятельности Либания.

Однако в работах Г. Зиверса представлена и другая точка зрения на отношения Либания с его учениками-христианами. По мнению Зиверса, в период правления Юлиана у Либания все больше проявляется неприязнь к христианам, вызванная, в том числе и личными соображениями. Г. Зиверс объясняет: Либаний опасался, что гонения на христиан могут подорвать политику Юлиана по возрождению язычества или бросить тень на императора и его религиозную реформу [10, s. 123].

Более того, в своей монографии Зиверс четко определяют взаимоотношения императора Юлиана и ритора. Гибель Юлиана не только оказала влияние на попытку возрождение язычества, но и на положение Либания. Будучи приближенным к верхам власти в период правления Юлиана Отступника и пользуясь его расположением, Либаний, в свою очередь, имел немало врагов со стороны противников политики императора. И после гибели последнего опасность, в которой находился ритор, в разы увеличилась. Особенно ухудшила ситуацию монодия Либания, написанная им после смерти Юлиана. Как уже отмечалось, в своей речи Либаний намекал на то, что отношение к убийству императора имели не столько персы, сколько противники религиозных преобразований, то есть христиане. Обвинение христиан, особенно в свете того, что приемником Юлиана была восстановлена прохристианская политика, поставили Либания, как одного из приближенных императора-язычника, перед угрозой заговора и возможного убийства [10, s. 123]. Спас Либания его однокурсник Кападоир, имевший большое влияние и убедивший избранного императора в том, что тот ничего не выиграет, если Либаний будет убит. Речи

его, тем не менее, останутся, и последователи риторика, прежде всего его ученики, продолжают распространять речи Либания.

Является ли мнение Г. Зиверса обоснованным? Безусловно, данная версия имеет место быть. Но в дошедшей до нас переписке со стороны Либания нет упоминаний о прямой угрозе его жизни. Хотя в письмах Либания встречаются отсылки к недооцененности его деятельности, показывающие, что ритору было свойственно излагать публично многие перипетии своей судьбы, да и в «Автобиографии» мы можем встретить «жажды на возможную опасность» (Lib. 136–138).

Относительно развития школы Либания, обзор писем, касающихся получения образования в риторической школе и зачисления новых и возвращающихся студентов из года в год, не показывает, что правление императора Юлиана и его смерть повлияли на количество учеников риторика. Высокие показатели притока учеников в школу Либания, о котором свидетельствуют письма 362/363 годов, относятся, прежде всего, к студентам, прибывающим из других частей империи. Вероятно, их привлекал тот факт, что Юлиан оказывал покровительство Либанию. Существующие данные относительно мало меняющегося притока студентов пытаются интерпретировать в своей монографии и Поль Пети, считая их весьма удивительными [8]. Относительно низкие показатели в последующий после смерти Юлиана год, вероятно, отражают местный набор и высокий процент поступления в школу студентов из Антиохии, упоминания о которых в переписке почти отсутствуют [2, р. 90]. В 365 году активная переписка риторика прерывается, но школа, видимо, еще продолжает процветать. Объяснить это можно тем, что в первые годы после гибели Юлиана Либаний продолжал пользоваться хорошими отношениями с некоторыми чиновниками из администрации Валента [13, р. 139–141; 156], в частности переписка с Сатурнием Салюстием подтверждает это [8]. Салюстий, продолжая назначать на должности губернаторов людей с риторическим образованием, определенно «помог» Либанию в развитии Антиохийской школы. Либаний признавал, что благодаря Салюстию «улучшилось положение риторики в глазах тех, кто занимает официальные должности и, таким образом, заполнил [Салюстий] школы студентами, вдох-

новляя страсть в тех, кто надеялся на равные почести» [2, р. 91].

Поддержка риторических школ, в особенности школы Либания, была своего рода продолжением политики Юлиана в непростые для риторики времена. По утверждению Дж. Винтеса, при императоре Иовиане Либаний все еще пользовался влиянием, следовательно, наблюдалось и развитие его школы. Но вот в период с 371 по 378 годы наблюдается отток студентов [14, s. 175–176], за чем следуют частые обвинительные речи риторика, выдвигаемые против представителей власти и определенные язвительные характеристики в адрес чиновников [15, р. 168–169]. Характерно, что, несмотря на подобные «действия» со стороны риторика, Антиохийская школа продолжала существовать, а обучение студентов продолжалось. Это делает маловероятным то, что поддержка сверху, полезная изначально, являлась определяющим фактором в развитии школы.

Обращая внимание на развитие школы в период правления императора Валента, отмечаем, что для первых годов было характерно сохранение общей тенденции развития, установленной еще при Юлиане. Для самого Либания, несмотря на его преданность Юлиану Отступнику, в приоритете было развитие школы и риторики. Первоначальный период, сопряженный с установлением отношений с представителями администрации, был малоизмененным для развития риторики в регионе. В дальнейшем, после воцарения Валента и формирования новой концепции управления империей, построенной на возвращении христианских принципов, в развитии риторической школы наблюдаются изменения. Это не было связано с полным оттоком студентов из школы, безусловно, Либаний продолжал набирать учеников, и популярность риторического образования была все еще достаточно высока. Но сокращение количества студентов, прибывающих из других регионов, имеет место. И здесь зачастую возникает предположение, что данное сокращение могло быть вызвано непопулярностью Либания у императора Валента и отдаления Либания от «имперского престола». Однако, по мнению Зиверса, отношения риторика и императора не носили прямо выраженного враждебного характера и в большей степени представляли собой попеременную смену расположения и охлаждения. Так, достаточно

неплохо об отношении к Либанию императора Валента говорит постановление, изданное императором Валентинианом о внебрачных детях [10, s. 137]. Известно, что у Либания имелся внебрачный сын, и, чтобы показать свою расположенность к ритору, Валент принял во внимание постановление своего брата, с которым, по сути, был мало согласен. А с другой стороны, потеря студентов, поддержание Валентом христианского развития в империи, невозможность Либания в дальнейшем влиять на развитие риторики в регионе, говорит о том, что если Валент и не был настроен категорически против ритора, то и поддерживать его он не планировал, во всяком случае, как это делал Юлиан.

Таким образом, имея возможность сравнивать развитие риторической школы Либания, да и в целом развитие риторики в Антиохии в период правления императоров, имеющих разное мировосприятие – языческое и христианское, можно наблюдать относительную зависимость от распо-

ложения императора к ритору. Нельзя сказать, что функционирование школы было напрямую связано с отношением Юлиана или Валента к Либанию. Школа вполне существовала и развивалась как при одном императоре, так и при другом. Но вот количество обучаемых в ней студентов действительно могло зависеть от поддержки императора. Так, исследователи склонны считать, что при приближенности Либания к Юлиану в школе обучалось большее количество студентов из других регионов, что в свою очередь влияло на показатель развития риторического образования в Антиохии. С момента прихода к власти императора Валента и невозможности в дальнейшем пользоваться той императорской поддержкой, как прежде, у Либания наблюдается отток студентов из дальних регионов. Но при этом ученики родом из Антиохии продолжают обучаться в школе Либания, также способствуя развитию риторического образования на Римском Востоке.

1. Перфилова Т. Б. Литературное наследие Либания как источник изучения высшего образования в восточных провинциях Римской империи. Ч. 2. Либаний – официальный профессор антиохийской риторической школы // Ярославский педагогический вестник. 2002. № 2. С. 22–27. URL: https://vestnik.yspu.org/releases/novye_issledovaniy/14_3/ (дата обращения: 22.08.2024).

2. Criboire R. The School of Libanius in Late Antique Antioch. Princeton : Princeton University Press, 2007. 360 p.

3. Bonner S. F. Education in Ancient Rome. Berkeley, 1977. 404 p.

4. Денисова И. В., Болгов Н. Н. Ранневизантийские интеллектуалы – кто они? // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис : материалы науч. конф. XV Международный Византийский Семинар. Симферополь, 2023. С. 89–96. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50766669> (дата обращения: 22.08.2024).

5. Бузанаков Ю. В. Завоевание Антиохии персами и начало геополитической катастрофы Византии на Востоке // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46. № 4. С. 627–633. DOI: <https://doi.org/10.18413/2075-4458-2019-46-4-627-633>

6. Образованность, школы, книжная культура в Восточном Средиземноморье в IV–VII вв. (Антиохия, Берит, Кесария, Газа) / Н. Н. Болгов, А. М. Болгова, И. В. Денисова, Ю. В. Бузанаков // Via in tempore. История. Политология. 2020. Т. 47. № (4). С. 714–726. DOI: <https://doi.org/10.18413/2687-0967-2020-47-4-714-726>

7. Wolf P. Libanius. Autobiographische Schriften. Zurich, 1967.

8. Petit P. Les etudiants de Libanius. Paris, 1956. 206 p.

9. Болгова А. М. Общественные конкурсы софистов и риторические выступления (epideixis akroasis) в Ранней Византии // Via in tempore. История. Политология. 2022. Т. 49. № 4. С. 784–794. DOI: <https://doi.org/10.52575/2687-0967-2022-49-4-784-794>

10. Sievers G. R. Das Leben des Libanius. Berlin, 1868. 344 s.

11. Пак Е. А. Гибель Юлиана Отступника в отражении языческой и христианской традиции // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2010. № 3. С. 79–84. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gibel-yuliana-otstupnika-v-otrazhenii-yazycheskoy-i-hristianskoj-traditsii> (дата обращения: 22.08.2024).

12. Wiemer H.-U. Libanios und Julian: Studien zum Verhältnis von Rhetorik und Politik im vierten Jahrhundert n. Chr. (Vestigia 46). Munich : Beck, 1995. 408 s.

13. Vanderspoel J. Themistius and the Imperial Court: Oratory, Civic Duty, and Paideia from Constantius to Theodosius. Ann Arbor, 1995. 280 p.

14. Wintjes J. Das Leben des Libanius // Historische Studien der Universitat Wurzburg. 2. Rahden, Westfalia, 2005. S. 151–162, 175–176.

15. Norman A. F. Libanius: The Teacher in an Age of Violence // Fatouros and Krischer. 1983. Pp. 150–173.

Статья поступила в редакцию 16.09.2024; одобрена после рецензирования 14.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.

Об авторе**Радченко Маргарита Леонидовна**

кандидат исторических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина (308024, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Горького, д. 71), ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7535-7438>, mirra.1991@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Perfilova T. B. Literaturnoe nasledie Libaniya kak istochnik izucheniya vysshego obrazovaniya v vostochnykh provintsiyakh Rimskoi imperii. Ch. 2. Libanii – ofitsial'nyi professor antiokhiiskoi ritoricheskoi shkoly [The literary heritage of Libanius as a source for the study of higher education in the eastern provinces of the Roman Empire. Part 2. Libanius – official professor of the Antiochian rhetorical school]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* = Yaroslavl Pedagogical Bulletin, no. 2, pp. 22–27. Available at: https://vestnik.yspu.org/releases/novye_issledovaniy/14_3/ (accessed 22.08.2024). (In Russ.).
2. Criboire R. The School of Libanius in Late Antique Antioch. Princeton, Princeton University Press, 2007, 360 p. (In Eng.).
3. Bonner S. F. Education in Ancient Rome. Berkeley, 1977, 404 p. (In Eng.).
4. Denisova I. V., Bolgov N. N. Rannevizantiiskie intellektualy – kto oni? [The Early Byzantine intellectuals – who were they?]. *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis: materialy nauch. konf. XV Mezhdunarodnyi Vizantiiskii Seminar* = ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: empire and polis: scientific materials. conf. XV International Byzantine Seminar. Simferopol, 2023, pp. 89–96. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50766669> (accessed 22.08.2024). (In Russ.).
5. Buzanakov Yu. V. Zavoevanie Antiokhii persami i nachalo geopoliticheskoi katastrofy Vizantii na Vostoke [The conquest of Antioch by the Persians and the beginning of the geopolitical catastrophe of Byzantium in the East]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya* = Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science, 2019, vol. 46, no. 4, pp. 627–633. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18413/2075-4458-2019-46-4-627-633>
6. Bolgov N. N., Bolgova A. M., Denisova I. V., Buzanakov Yu. V. Obrazovannost', shkoly, knizhnaya kul'tura v Vostochnom Sredizemnomore v IV–VII vv. (Antiokhiya, Berit, Kesariya, Gaza) [Education, schools, book culture in the East Mediterranean in the 4th–7th cent. A. D. (Antioch, Berit, Caesaria, Gaza)]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya* = Via in Tempore. History and Political Science, 2020, vol. 47, no. 4, pp. 714–726. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18413/2687-0967-2020-47-4-714-726>
7. Wolf P. Libanius. Autobiographische Schriften [Libanius. Autobiographical works]. Zurich, 1967. (In Germ.).
8. Petit P. Les etudiants de Libanius [Disciples of Libanius]. Paris, 1956, 206 p. (In French).
9. Bolgova A. M. Obshchestvennye konkursy sofistov i ritoricheskie vystupleniya (epideixis akroasis) v Rannei Vizantii [Public Competitions of Sophists and Rhetorical Presentations (epideixis akroasis) in Early Byzantium]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya* = Via in Tempore. History and Political Science, 2022, vol. 49, no. 4, pp. 784–794. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.52575/2687-0967-2022-49-4-784-794>
10. Sievers G. R. Das Leben des Libanius [Life of Libanius]. Berlin, 1868, 344 s. (In Germ.).
11. Pak E. A. Gibel' Yuliana Otstupnika v otrazhenii yazycheskoi i khristianskoi traditsii [The death of Julian the Apostate as narrated in the pagan and Christian tradition]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* = *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2010, no. 3, pp. 79–84. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/gibel-yuliana-otstupnika-v-otrazhenii-yazycheskoy-i-hristianskoy-traditsii> (accessed 22.08.2024). (In Russ.).
12. Wiemer H.-U. Libanios und Julian: Studien zum Verhältnis von Rhetorik und Politik im vierten Jahrhundert n. Chr. (Vestigia 46) [Libanios and Julian: studies of the relationship between rhetoric and politics in the fourth century AD (Vestigia 46)]. Munich, Beck, 1995, 408 s. (In Germ.).
13. Vanderspoel J. Themistius and the Imperial Court: Oratory, Civic Duty, and Paideia from Constantius to Theodosius. Ann Arbor, 1995, 280 p. (In Eng.).
14. Wintjes J. Das Leben des Libanius [Life of Libanius]. *Historische Studien der Universitat Wurzburg* = Historical studies at the University of Würzburg, 2. Rahden, Westfalia, 2005, s. 151–162, 175–176. (In Germ.).
15. Norman A. F. Libanius: The Teacher in an Age of Violence, Fatouros and Krischer, 1983, pp. 150–173. (In Eng.).

The article was submitted 16.09.2024; approved after reviewing 14.10.2024; accepted for publication 12.11.2024.

About the author**Margarita L. Radchenko**

Ph. D. (History), Lecturer at the Department of Humanities and Social and Economic Disciplines, Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia (71 Gor'kogo St., Belgorod 308024, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7535-7438>, mirra.1991@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript